

Найдут ли они место, которое станет их домом?

Сбежавшие сестры

Сэнди Тейлор

Сэнди Тейлор

Сбежавшие сестры

Серия «Trendbooks WOW»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51561060

Сбежавшие сестры / С. Тейлор: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2020

ISBN 978-5-00154-373-2

Аннотация

Лондон, 1942 год. Тринадцатилетняя Нелл и ее младшая сестра Олив живут в одном из бедных районов города. Здесь соседи вместе переживают беды и радости, а праздники встречают на улицах с песнями. Здесь своих в обиду не дают и за себя постоять умеют. Но идет война, и каждую ночь над доками звучит сигнал воздушной тревоги.

Когда в городе становится слишком опасно, тысячи семей отправляют своих детей в эвакуацию. Как и многих, Нелл и Олив ждет неизвестность. Кто согласится их приютить? Каков будет их новый дом?

Даже в чудесной английской деревне жизнь не сахар. Сестры узнают, что доброта незнакомцев соседствует с жестокостью, а дружба – с невежеством. Сестры также узнают, что ни одно место не заменит им родной дом. Кого встретят они на пути, с какими опасностями столкнутся? Пройдя сотни километров пешком, найдут ли они своих близких?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	35
Глава пятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сэнди Тейлор

Сбежавшие сестры

Sandy Taylor

The Runaway Children

Copyright © Sandy Taylor, 2017

Художественное оформление © CollaborationJS /
Trevillion Images

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2020

Моему чудесному агенту Кейт Хордери

*Спасибо тебе за все, Кейт. Говоря словами
бессмертной Тишы Тернер, «ты просто лучшие всех
на свете».*

Глава первая

Бермондси, 1942

Стояла весна, но сидеть на каменной лестнице, ведущей к нашей квартире, было ужасно холодно. Ночью шел дождь, и ступеньки до сих пор не просохли. Подол моего тоненького пальто промок насквозь, а ледяной ветер, свистевший над крыльцом, пронизывал до костей. Казалось, мы просидели так уже много часов. Миссис Райан выдворила нас из квартиры, а идти было больше некуда.

Моя сестренка Олив, съезжившись, прижималась ко мне. Я почувствовала, что она дрожит, и усадила ее к себе на колени. Бедняжка простудилась, нос у нее был красный, ведь она то и дело утирала его рукавом.

– Мамочке кто-то делает больно, Нелл? – спросила Олив, поднимая на меня красивые карие глаза.

– Конечно, нет, – ответила я.

– А чего тогда она кричит?

– Потому что рада.

– Что-то не верится.

– Помнишь, как тебе вырвали гнилой зубик?

– Ага.

– Больно было, когда рвали?

– Очень больно, я чуть не умерла!

– Но потом тебе ведь стало лучше, так? Потому что боль прошла насовсем.

– Значит, мамочке зуб вырывают?

– Нет, Олив, она рождает ребенка. Мама же тебе объясняла.

– Нелл!

– Да, Олив.

– А откуда появляется ребенок?

С каждой минутой становилось сложнее.

– У мамы спросишь.

– Ладно, Нелл.

Сестренка обвила меня ручками за шею. Горячее дыхание коснулось моей щеки.

– Я хочу в дом, Нелл. Хочу к мамочке.

– Скоро пойдем к ней, милая, – ответила я.

Мой брат Тони, который развлекался, пиная камешки во дворе, повернулся к нам:

– Я туда ни ногой, пока она не перестанет так орать.

– Слушай, ты, неблагодарный маленький поганец, ты бы тоже орал, если б тебе пришлось выдавливать из себя младенца!

Тони злобно уставился на меня:

– И зачем она вообще его рождает? Нам троим еды не хватает, куда еще четвертый рот?

– Малыш нас не объест, он будет сосать мамину грудь точно так же, как ты, когда был маленький.

Мои слова заставили Тони покраснеть. Он с силой пнул

камешек в стену.

– Послушай, Тони, – мягко сказала я. – Мама же не виновата.

– А кто тогда виноват? – гневно возразил он.

– Это все из-за того, что она замужем, – ответила я. – Когда спишь с мужем в одной кровати, получается ребенок.

Я подозревала, что все не так просто, но мне не хотелось об этом задумываться, потому что от таких мыслей внутри все странно сжималось.

Олив громко шмыгнула носом.

– Как думаешь, Нелл, будет мальчик или девочка? – спросила она.

– Это Боженька решит, Олив. Бог считает всех людей на свете и, если не хватает мальчиков, посылает мальчика, а если девочек – тогда девочку.

Я поправила волосы, упавшие на ее горячий лоб. У нее был жар. Ей бы лежать в постели, а не сидеть на холоде. Я уже собиралась снять с себя пальто, чтобы укрыть сестренку, но в это мгновение на лестнице появилась миссис Бэкстер, наша соседка.

– Никаких новостей, миссис Бэкстер? – спросила я и встала, заставив Олив слезть с моих коленей.

– Пока нет, утятки, но она отлично справляется. С ней миссис Райан, под чьим присмотром родились почти все дети в доме, так что ваша мама в хороших руках, и слава богу, что бомбежек не было.

– Олив нездоровится, миссис Бэкстер. Ей бы в кровать.

– Веди-ка ее ко мне, Нелл, вам всем не мешало бы согреться.

– Спасибо, миссис Бэкстер, – с радостью согласилась я. – Пойдем, Тони.

Но мой братец медлил.

– Мы зайдем всего на минутку, чтобы погреться.

– А я не замерз, – буркнул он, глядя себе под ноги.

При всей его строптивости Тони был самым чувствительным в семье. В свои одиннадцать лет – на два года младше меня – он был больше всех привязан к маме. Я знала, что он злится, потому что беспокоится за нее.

Миссис Бэкстер повела Олив в квартиру, а я подошла к Тони и приобняла его. Сквозь тонкий джемпер прощупывались выпирающие лопатки.

– С ней все будет хорошо, Тони, – мягко сказала я. – Наша мама крепкая, как бык.

– Я знаю, Нелл, – ответил он, – но мне это очень не нравится.

– Мне тоже, но скоро все закончится, и она снова будет бодрой и здоровой.

– Лучше я посижу здесь, где все слышно.

– Понимаю, но толку-то от того, что ты тут сидишь и слушаешь ее крики? Ни тебе, ни маме от этого не легче.

– Боюсь, как бы не случилась беда. Как бы она не умерла, Нелл.

По его щекам побежали слезы, но он поспешно вытер их.

– Ничего, иногда можно и поплакать, Тони, – произнесла я еще мягче.

– Да не реву я, – огрызнулся он. – Это все от ветра.

– Женщины каждый день рожают детей, Тони. Миссис О'Мэлли штампует одного за другим, будто орешки лушит, и ничего, до сих пор не померла же.

– Плохо, что папы нет, – сказал Тони. – Он должен быть здесь, заботиться о ней.

– Он бы и сам этого хотел, ты же знаешь, но ему приходится воевать. Он не виноват.

Иногда я смотрела на брата и видела в нем папу. У него были такие же голубые глаза и огненно-рыжие волосы. С тех пор как отец ушел на войну, на хрупкие плечи Тони много всего свалилось. Маленький мальчик примерял на себя роль мужчины. За напускным безразличием он прятал искреннюю заботу о семье, и я любила его за это.

– Давай-ка зайдем немного погреться, а потом можно снова выйти, договорились?

Он кивнул, и мы вместе вошли в квартиру. Бэкстеры с виду казались странной парой. Миссис Бэкстер была совсем крошечная. Мама говорила, что она, как маленькая птичка, порхает повсюду, носится вверх и вниз по лестницам Рэннли-Корта, будто юная девчонка, и всем на свете готова помочь. Она знала обо всем, что происходило в доме, и со всеми ладила. А вот мистер Бэкстер был почти квадратный. У

него не было одной ноги, которую он потерял, сражаясь за короля и родину, так что он никуда не бегал, зато вечно улыбался и готов был поделиться с друзьями последней монеткой. По словам мамы, это был брак, заключенный на небесах.

В камине горел огонь, а Олив уже сидела возле него на коленях, вытянув ладошки поближе к пламени. Мистер Бэкстер спал, приоткрыв рот и издавая странные звуки, похожие на писк котенка. Тони ткнул меня в бок, и я ухмыльнулась, увидев деревянную ногу мистера Бэкстера, стоявшую возле кресла. Миссис Бэкстер легонько потрясла мужа, и он приоткрыл один глаз.

– Пришли дети миссис Паттерсон, Редж, – объяснила она. – Они сидели на лестнице, совсем отморозили свои маленькие попки.

Мистер Бэкстер потерял глаза.

– Ну грейтесь, ребятишки, – сказал он, выпрямившись в кресле и глядя на нас с улыбкой. Потом подобрал кочергу и помешал угли, так что в комнату сразу повалил приятный жар. – Как насчет хлеба с маслом? По-моему, им не мешало бы перекусить.

– Отличная мысль, милый, – согласилась миссис Бэкстер и тут же кинулась на кухню.

Олив начала кашлять.

– Она заболела, мистер Бэкстер, – объяснила я. – Вон какой жар.

– Жена о ней позаботится, вот только принесет вам хлеба

с маслом, – заверил тот.

Я уставилась на раскрасневшееся личико Олив, очень надеясь, что с ней ничего серьезного. Всего несколько месяцев назад малышка Бетти Ормирод, наша соседка снизу, умерла от скарлатины.

– Как думаете, мистер Бэкстер, у нее не скарлатина?

– Жена лучше разбирается, спросим ее.

Мы втроем сели поближе к огню, пытаюсь отогреться. Олив прижалась ко мне, и я приобняла ее. Она заметно дрожала.

– Мне холодно, Нелл.

Миссис Бэкстер вошла в комнату с подносом в руках.

– Кому хлеба с маслом? – спросила она, ставя его на стол.

Мы с Тони взяли по бутерброду, но Олив только покачала головой.

– Я беспокоюсь за Олив, миссис Бэкстер. Как думаете, у нее не скарлатина?

– Надеюсь, нет, – ответила она. – А то мы все ее подхватим.

– А как распознать скарлатину? – спросила я.

– Кажется, должна быть красная сыпь. У Олив есть сыпь?

Я приподняла кофточку сестренки. Ее спина была горячей и влажной от пота, но никакой сыпи я не обнаружила.

– Сыпи нет, миссис Бэкстер.

Олив снова закашлялась.

– Что-то мне нехорошо, Нелл.

– Это обычная простуда, милая, а вовсе не скарлатина. Скоро поправишься.

Сестренка зевнула, и я поняла, что она с трудом держит глаза открытыми. Миссис Бэкстер подняла ее и отнесла в кресло, потом взяла одеяло, которое лежало на коленях у мужа, и укрыла Олив. Та мгновенно уснула.

– Спасибо, миссис Бэкстер.

– Ей сейчас лучше поспать, Нелл.

Я прислонилась к креслу, глядя на спящую сестренку, на ее темные реснички, ярко очерченные на фоне бледных щек.

Все вокруг говорили, какая красавица наша Олив. У нее были рыжевато-каштановые волосы, оттенявшие и без того светлую кожу, а карие глаза напоминали тающий шоколад. Я поправила упавшую ей на лоб прядку, и Олив пошевелилась. Я была рада, что у нее не скарлатина, но все же волновалась. Мистер Хикс, скупщик, говорил, что Олив слишком красива для этого грешного мира, и меня это пугало. И конечно, я не могла не заметить, что обо мне он такого не говорил.

Меня часто сравнивали с ломтиком бекона: длинная, тонкая и жилистая, а еще у меня якобы «старушечий взгляд», что бы это ни значило. Мама уверяла, что со временем я обрету свою форму, но меня это не радовало, ведь я предпочла бы обрести какую-нибудь другую, чужую форму и стать наконец красивой. Ко всему прочему мои волосы были похожи на заросли непослушных кудряшек, с которыми мама изрядно намучилась. Старая миссис Бэнкс из квартиры над нами

говорила, что они «съедают» мое лицо. Вот такой я была – длинной и тощей, со «старушечьим взглядом» и волосами, которые «съедают» лицо. Потрясающе, ничего не скажешь.

– Будет и на твоей улице праздник, моя милая Нелл, – повторяла мама.

«Уж поскорее бы», – думала я.

Я заметила, что Тони начал нетерпеливо ерзать. Ему явно хотелось вернуться на улицу, где он мог слышать маму.

– Нельзя вести Олив обратно на холод, – сказала я.

– Можете оставить ее у меня, – заверила миссис Бэкстер.

– Спасибо! Вы мне просто крикните, как проснется, и я за ней приду.

– Послушайте! – вдруг воскликнула миссис Бэкстер.

Мы все прислушались.

– Ничего не слышу, – ответила я.

– Это потому, что слышать нечего. Твоя мама больше не кричит, деточка.

Я широко улыбнулась:

– Значит, все, ребенок родился?

– Думаю, да, – ответила она, улыбаясь мне в ответ.

Тони пулей вылетел за дверь, и его шаги застучали вверх по ступенькам.

– Спасибо, что впустили нас, миссис Бэкстер, и за угощение тоже спасибо.

– Пожалуйста, милая. И за Олив не беспокойся, я о ней позабочусь.

Я вспорхнула по лестнице и влетела в квартиру. Тони стоял возле кровати и смотрел на сверток у мамы на руках, а миссис Райан возилась возле раковины.

Мама полусидела, опираясь на гору подушек. Несмотря на бледность и усталость, она выглядела счастливой.

– Ну и кто тут у нас? – спросила я.

Мама отвернула край одеяла от личика младенца:

– Это мальчик, Нелл.

– Олив надеялась, что будет девочка, – ухмыльнулась я.

Мама посмотрела мне за спину:

– А где она?

– Спит у Бэкстеров. Она приболела. Но у нее не scarлатина, мам, потому что сыпи нет.

Мама перевела взгляд на новорожденного:

– Такой красивый, правда, Нелл?

Я уставилась на морщинистое личико, выглядывающее из свертка:

– Да, мам, очень милый.

– Да он же вылитый Черчилль, – вставила миссис Райан, поворачиваясь к нам. – Только сигары не хватает.

– Как ты его назовешь? – спросила я.

– Думаю, он будет Фредди, в честь вашего деда.

– Дед был тот еще старый хрыч, – возразил Тони.

– Это верно, но вашему папе будет приятно, да и наш малыш уж точно не станет старым хрычом, верно?

– Я бы не была так уверена! – крикнула миссис Райан с

другого конца комнаты, и мы все рассмеялись.

Глава вторая

Мне было тринадцать, и всю свою жизнь я провела в Рэннли-Корте. Здесь был мой дом. Ничего другого я не знала и знать не желала. Это было четырехэтажное многоквартирное здание из кирпича. В квартиры мы попадали, поднимаясь по общей лестнице. На каждом этаже жили разные семьи, по две на этаже, а всего восемь. Я знала всех жильцов, ежедневно спускавшихся и поднимавшихся по этим каменным ступенькам. Сквозь тонкие стены я привыкла слышать радостный смех и отчаянные рыдания соседей, все их ссоры и праздники. Наша жизнь напоминала радиоспектакль, транслирующийся для всех вокруг. Не сказать, что все всегда шло гладко, но зато мы заботились друг о друге, особенно женщины. Мужчины появлялись и снова уходили в поисках работы, на войну или в погоне за мечтой, а вот женщины оставались на месте: сильные, деловые, практичные. Денег ни у кого не водилось, но все были готовы поделиться с соседом в нужде. И смех: по квартирам всегда разносился добродушный смех.

Улицы и переулки вокруг Рэннли-Корта заменили мне площадку для игр, а Темза, чьи воды шумели за домом, стала для меня океаном. Я знала все ломбарды и пабы в округе, все заводы и магазины. Мне нравилось наблюдать, как женщины выходят из ворот кондитерской фабрики, покрытые желтой

пылью. Интересно было смотреть, как они, источая ароматы ванили и сахара, снимают платки и вытряхивают из волос пыль, оставляющую на лицах тонкую желтоватую вуаль. Я хорошо относилась к соседским детям, корчила рожицы сборщику квартплаты, улыбалась старьевщику и его старой тощей кобылке. Она была славная. Хозяин звал ее Беллой и всегда нацеплял ей на морду специальную торбу с овсом, когда шел обедать в паб. Я любила гладить Беллу по холке. Ее шкура была теплой и мягкой, и, когда я прикасалась к ней, лошадка всегда слегка вздрагивала.

Я здоровалась с красивыми дамами, которые стояли на углах улиц, покрашенные яркой помадой, с ногтями, покрытыми красным лаком. Дамы смотрели на меня сквозь завесу сигаретного дыма и называли уточкой и ягненочком. Я мечтала, что однажды вырасту такой же красивой, как они. Время от времени я бегала по поручениям пожилых соседей, которым было тяжело спускаться и подниматься по лестнице. Я неслась со всех ног, стараясь за рекордное время домчаться до магазина спиртного и обратно с четвертушкой джина или к мяснику за свиными шкурками. Иногда я гуляла возле доков с сопливыми младенцами в колясках. У меня были младшие брат и сестра, так что соседи охотно доверяли мне детей. Мне нравилось с ними гулять. Я разговаривала с малышами, рассказывала что-нибудь, и даже детишки покрупнее, которые уже умели сидеть, слушали меня, вместо того чтобы пытаться выбраться из коляски. Я всегда следила,

чтобы они не простудились: застегивала им вязанные чепчики, передаваемые из поколения в поколение, и не забывала подоткнуть вязанные одеяльца.

Добравшись до доков, где пахло грязной от мазута водой и гниющими растениями и ветер разносил крики чаек, мы останавливались и смотрели, как полураздетые рабочие грузят на баржи тяжелые мешки с сахаром производства фабрики «Тейл энд Лайл». Мы держались в сторонке. Портовые грузчики были людьми суровыми, это знали все. До войны мой папа тоже здесь работал. Он гордился своей работой и часто говорил, что у них тут настоящее братство. Грузчиками брали только настоящих работяг, потому что работы на всех не хватало и спрос на такие места был огромный. Отец и его товарищи постоянно боялись травм, ведь тогда они не смогли бы работать и всей семье пришлось бы туго.

Я любила наблюдать за работой этих людей, смотреть на баржи и представлять, что было бы, если бы я забралась на одну из них и отправилась вниз по реке. Мне казалось, что повсюду так же, как в Бермондси, ведь ничего другого я не знала. В Бермондси было все, что нужно для жизни. С чего это в других местах будет иначе?

Мы с Олив часто относили отцу обед – хлеб со свиным салом. Отец отводил нас в сторону, подальше от места работы и других грузчиков. Мы садились рядом с ним на причале, свесив ноги вниз, и смотрели на проходящие по черной воде баржи и корабли. Река была, наверное, в милю шириной и

такая глубокая, что даже вообразить трудно. Папа показывал нам большие корабли, которые пришли издалека, например из Австралии и Новой Зеландии, и, как мог, старался описать нам эти страны, пусть даже сам никогда там не был. Мне они все представлялись похожими на Бермондси, с той только разницей, что там светило солнце и жили кенгуру.

Мой брат Тони обожал реку, и ему часто доставалось за то, что он вместо школы весь день проводил здесь. Он прочесывал илистый берег в поисках сокровищ. Там попадались куски угля и дерева, а порой он находил косточку, которую приносил домой для соседских собак, или даже монетку, затерявшуюся в грязи. Братец возвращался, по колению испачканный высохшим серым илом, и мама отсылала его на улицу мыть ноги, чтобы он не тащил грязь в квартиру.

Маму очень беспокоило, что Тони столько времени проводит на реке. Она знала, что иногда он заходит в воду, чтобы вытащить деревяшки покрупнее для нашей печки. Дрова нам и вправду были нужны, но мама боялась, что однажды его собьет с ног волной от проходящего судна или смочет в реку и он утонет. Если он долго не возвращался, она начинала думать, что он увяз в топкой грязи или нашел что-то ценное и его избили и ограбили взрослые, которые зарабатывали на жизнь, собирая выброшенные на берег «сокровища». Иногда на реке находили и мертвецов: трупы тех, кто упал за борт, кинулся с моста или был убит. Мама до ужаса боялась, что Тони наткнется на труп. А вот сам Тони ничего

не боялся. Он любил реку. Она его не пугала, как бы мать ни старалась его убедить. Он мечтал работать в доках, когда подрастет, – хотел быть как папа.

Нам очень повезло, потому что у нас был самый лучший папа во всем Бермондси – и даже в целом Лондоне. Великан с ярко-рыжими волосами и такой же рыжей густой бородой, с синими глазами и улыбкой, которая освещала все вокруг. Он не имел привычки напиваться в стельку, как большинство мужчин, живших в нашем доме, и никогда не бил нас. По словам мамы, она сразу поняла, что он хороший человек, когда познакомилась с ним на танцах, и оказалась права. Когда объявили войну, он сразу пошел записываться добровольцем.

Я все время беспокоилась о нем, но мама говорила, что с ним все будет хорошо, потому что в Бермондси мало рыжих. Значит, Боженька будет хранить его, чтобы поддерживать их число. Я сама не знала, верю ли в это, но изо всех сил цеплялась за надежду, что так оно и есть. Мама никогда не признавалась, что тоже переживает за папу, хотя не стеснялась говорить о том, как волнуется за Тони. Казалось бы, это должно было меня успокоить, но, будучи уже достаточно взрослой, я не могла не заметить, что мама легко говорила вслух о всякой чепухе, а о том, что действительно важно, предпочитала молчать. Я не представляла, что мы будем делать, если не станет папы. Я просто не могла себе этого вообразить, поэтому старалась не думать.

Темза находилась прямо за домами, и когда война разыгралась в полную мощь, авианалеты на доки стали почти ежедневными. Администрация выделила всем семьям в Рэннли-Корте убежища Моррисона – это такие крепкие металлические клетки, которые можно было использовать и как столы. Мы поставили свое убежище под лестницей, у капитальной стены. Когда звучала сирена, мы забивались туда, и мама пела нам песни своим чистым голосом, пока не раздавался сигнал отбоя тревоги. Бомбы пугали, зато после себя они оставляли прекрасные площадки для игр. Каждый день после уроков дети, в особенности мальчишки, бежали на руины играть в войну или в ковбоев и индейцев. Девочки играли в дочки-матери и в магазин на месте уничтоженных домов. Под вечер мальчишки расходились по домам со ссадинами на коленях и в изодранных штанах, но довольные и беззаботные.

Если в Рэннли-Корте случалось что-нибудь нехорошее, жильцы разбирались сами. Однажды вечером мистер Браун, который вечно напивался в стельку, избил свою семью до полусмерти. Никто не стал вызывать ни скорую, ни полицию. Женщины позаботились о пострадавшем семействе, а мужчины разобрались с мистером Брауном. По правде говоря, с тех пор его никто не видел. Миссис Браун повеселела, обрела здоровую полноту и сошлась с молочником, у которого не хватало мочки уха. Зато он был добрый и заботился о миссис Браун и детях. Так уж повелось: в Бермондси своих в обиду

не давали, и, по словам мамы, так было всегда.

Таким был мой родной уголок Ист-Энда, и я любила его. Поздним вечером я, бывало, лежала в кровати и слушала, как из «Орла и короны» вываливаются посетители, во весь голос распевая «Нелли Дин» и «Выкатывай бочку». Вот такие ист-эндские колыбельные убаюкивали меня по ночам.

Глава третья

Большинство местных детей отправились в эвакуацию в самом начале войны. Целые группы проходили по улицам в сопровождении учителей, державших таблички с названиями школ. Но все же уехали не все. Были те, кто по какой-то причине остался. А некоторые уезжали, но потом возвращались сами, так и не сумев привыкнуть к жизни за городом. Бермондси был у них в крови, а в деревне все казалось чуждым. Далеко не всегда они попадали в райский уголок, который ожидали увидеть. Эвакуацию организовали впопыхах, и не все дети оказались там, где должны были. Однако порой и дома беглецов встречали вовсе не с распростертыми объятиями. Недовольные родители тут же сажали их на ближайший поезд и отправляли назад.

Я знала, что мама постоянно волнуется из-за нас, но, пока она вынашивала Фредди, мы были ей нужны. Эта беременность протекала очень тяжело – мама с трудом вставала с кровати: ноги отекали, голова постоянно болела. Кто-то должен был заботиться о ней, приносить чай, мыть посуду. Поскольку папа ушел на войну, всем этим занимались мы с Тони. От Олив толку было мало, но она отказывалась ехать в эвакуацию одна. Теперь же, когда Фредди родился, а налеты на доки участились, мама отчаянно стремилась отправить нас из Лондона в безопасное место. Она повторяла, что не

спит по ночам, беспокоясь о нас, а учитывая, что малыш и так отнимает много сил, ей долго не выдержать. И действительно, мама с ног валилась от усталости. Иногда, в моменты, когда она думала, что никто не видит, я замечала, как у нее тяжелеют и слипаются веки. Однажды она чуть не уснула прямо у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Я и не знала, что человек может уснуть стоя.

Я любила маму и понимала, что она не может бесконечно выносить усталость и волнения. Я была уже достаточно взрослой, чтобы осознавать, что ей проще будет справляться с малышом, опасностями войны и всем остальным, если мы, старшие дети, отправимся туда, где безопасно. Значит, нужно уезжать. Но мне пришла в голову другая идея.

– Почему бы тебе не поехать с нами, мам? – спросила я.

Она покачала головой:

– Пока не могу. Фредди совсем маленький, а я...

– Что?

– Я просто устала, Нелл.

Она перевела взгляд на младенца, которого держала на руках. Личико Фредди немного оформилось, и он уже не напоминал недовольного старика. Теперь малыш стал очень даже милым. Он щурился, глядя на маму, и причмокивал губами. Она поднесла мизинец к его рту.

– Я постараюсь приехать к вам, когда Фредди немного подрастет.

– А как ты нас найдешь?

– Вы мне напишете, когда устроитесь, и я буду знать, где вы.

– Если не останется места, ты будешь спать со мной, – пообещала я.

– Спасибо, Нелл.

– Или мы с Олив ляжем вместе.

– Конечно.

– Так ты обещаешь к нам приехать?

– Обещаю, – улыбнулась мама. – Это же временно, милая.

Нам всем не хотелось оставлять маму, но Тони особенно упрямо повторял, что никуда не поедет. Когда папа ушел на войну, он остался единственным мужчиной в доме и чувствовал ответственность за маму.

– А что, если она опять заболит, а нас рядом не будет? – спрашивал братец.

– Соседи ее не бросят, Тони.

– Соседи нас не заменят! Они же не будут сидеть с ней всю ночь, верно?

– Конечно, будут, если потребуется.

Тони нахмурился:

– Какой смысл нам вообще уезжать? Пустая трата времени. Почему они знают, что в деревне не будет бомбежек?

– Ну наверняка-то они не знают, пожалуй, – ответила я. – Но зачем немцам фермы и деревни? Им нужно сбрасывать бомбы на города, железные дороги и порты. Зачем тратить их на коров и овец?

– В любом случае я не поеду, и никто меня не заставит.

– Ты маленький засранец, Тони Паттерсон, думаешь только о себе! А дело совсем не в тебе. Подумай об Олив, ей всего пять лет, и она жутко боится бомбежек, каждый раз трясется.

– Ну так пусть Олив и едет. И ты с ней! Я ни тебя, ни ее не держу, так ведь? Уезжайте обе, тогда маме не придется за вас беспокоиться, а я о ней позабочусь.

– Послушай, Тони, – смягчилась я. – Мне тоже не хочется уезжать, но, если маме так нужно, тебе придется поехать с нами. Мне нужна твоя помощь. Ты единственный мужчина в семье, и я знаю, что папа хотел бы, чтобы ты поступил именно так.

– Мерзкая, вонючая, проклятая война! – завопил он.

– Подумай как следует, Тони. Ради Олив. Просто обещай подумать.

Брат кивнул и встал, ссутулившись, спрятав руки в карманы. Он пнул камешек и зашагал прочь по улице, шлепая по тротуару мысками ботинок. Рукава его свитера истерлись на локтях до дыр. Я надеялась, что он действительно обдумает мои слова. Мне не хотелось, чтобы он упирался и усложнял жизнь нам всем, и особенно маме.

На следующий день после этого разговора мы с моей лучшей подругой Анджелой Таунсенд сидели в спальне на втором этаже дома номер пятьдесят девять на Эдисон-террас.

Заднюю стену снесло взрывом, но старая железная кровать в спальне уцелела. Цветочные обои свисали со стен лоскутами, развеваясь на ветру, а на полу остались обрывки коричневого линолеума. Ни я, ни Анджела никогда не жили в частном доме, и нам здесь ужасно нравилось. Мы представляли, будто все это принадлежит нам. Вдвоем нам удалось подтащить железную раму кровати к дыре в полу, откуда открывался вид на руины с играющей детворой, на сады с огородами и на реку, над которой возвышались подъемные краны.

Анджела устроилась на кровати, подогнув под себя ноги.

– Интересно, кто здесь раньше жил? – спросила она.

– Понятия не имею, – отозвалась я, – но явно люди небедные. Ну, не такие бедные, как мы. У мамы бы на такой линолеум денег не нашлось.

– Зуб даю, тут жила красивая дама. Прямо как Вера Лилини, с красными губами и светлыми волосами, а носила она шелковые платья и меховые накидки.

– И жила она здесь со своим мужем-красавчиком.

– Да, муж непременно был хорош собой. – Анджела вздохнула и подперла подбородок рукой. – И он, конечно, покупал ей цветы, ожерелья и духи. И открывал перед ней дверь, когда она садилась в такси и выходила из него. Наверняка они постоянно катались на такси.

Я улыбнулась:

– А дети у них были, как думаешь?

– Ну уж нет, – сказала Анджела. – У дамы, которая здесь

жила, не было времени на детей.

– Чем же она была так занята?

– Работала диктором на радио.

Я снова заулыбалась. Она явно все еще думала про Веру Линн.

– Интересно, где они теперь? – вздохнула Анджела, поглажив матрас на кровати.

– Они ведь могли и погибнуть.

– Надеюсь, что нет, – сказала она и принялась грызть ногти. – Надеюсь, они сейчас живут в отеле.

Отели казались нам обоим воплощением роскоши и изысканности. Анджела загрустила, поэтому я мягко сменила тему:

– Мне казалось, ты бросила грызть ногти.

– Просто привычка.

– Это плохая привычка, Анджела. Дама, которая здесь жила, уж точно ногти не грызла.

– Мне так легче, – ответила она.

Я знала, что моя подруга обычно принимается грызть ногти, когда нервничает.

– У тебя дома все в порядке? – мягко спросила я.

Ее глаза наполнились слезами. Я протянула к ней руку и сжала ее пальцы в своих.

– Не хочешь об этом поговорить?

– Да не о чем говорить, Нелл, ведь я все равно ничего не могу с этим поделать.

– Иногда помогает выговориться, даже если ничего нельзя изменить, – возразила я.

Анджела вытерла слезы рукавом кофты:

– Мама никак не поправится, а бабуля взяла моду бродить по улицам. Мы стараемся держать дверь закрытой, но эта хитрая старая перечница все равно улучит момент и улизнет. На днях она полезла на руины в одной ночнушке светить задницей. Все дети над ней смеялись. Как меня все это достало, Нелл!

– Мне так жаль! – Я сжала ее руку.

Она снова утерла слезы:

– Да нет, все в порядке. Я люблю свою бабулю. Она, может, и старая перечница, но моя, родная, – с улыбкой заявила Анджела.

– А что с твоей мамой?

– Никто не может понять, что с ней. Ей нездоровится с тех пор, как родилась Мэвис. Она теперь почти все время лежит. Мама не виновата, я знаю, но мне так тяжело, Нелл. Иногда кажется, что я женщина среднего возраста с двумя малолетними детьми.

– Как бы я хотела чем-нибудь тебе помочь!

– Ты со мной дружишь, это мне помогает.

– А как твои младшие? От них есть новости? – спросила я. Братья и сестра Анджелы уже довольно давно уехали в эвакуацию вместе со всеми.

– Робби держит нас в курсе. Говорит, они попали к хоро-

шим людям. Малышка Мэвис скучает по маме, а Стэнли никак не прекратит писаться в кровать. Мама надеется, что к возвращению он все же научится и перестанет это делать.

Я ухмыльнулась:

– Не думаю, что ваш Стэнли поддается обучению.

– Вот и я сомневаюсь, но мама живет надеждой. Но ей хотя бы не нужно беспокоиться, ведь они в безопасности и под присмотром. Робби просто с ума сходит по собакам тамошнего семейства. Их зовут Пеппа и Вуди. Говорит, когда вернется, тоже заведет собаку.

– Только этого твоей маме не хватало, – улыбнулась я.

– Только этого *мне* не хватало, – вздохнула подруга.

Я не знала, как к этому подвести, поэтому выпалила без всяких вступлений:

– Знаешь, мне, возможно, придется уехать.

Анджела снова принялась грызть ногти.

– Что, вы все вместе уедете? – тихо спросила она.

– Мама с малышом останутся. Говорит, Фредди еще слишком маленький для путешествий через всю страну, а миссис Райан считает, что сама мама пока очень слаба.

– А что же Тони? И он поедет?

– Не уверена. Он обещал подумать.

– Сомневаюсь, что он согласится покинуть маму, Нелл.

– Вот и мне не верится, но я его немного пристыдила и надеюсь, что он смирится с этой мыслью. Вот и ты бы могла уехать с нами.

– Да я бы и рада, но мама не сможет поехать, как и бабушка.

– Мне даже представить страшно, как это – уехать из Бермондси.

– Ну а я бы сейчас с удовольствием уехала.

– Понимаю, – ласково сказала я.

– Представь, что это такое приключение, ну или что ты едешь на каникулы.

– Без мамы будет совсем не то.

– Я буду скучать, если ты уедешь, Нелл.

– Я тоже буду скучать, – ответила я, взяв ее под локоть.

Мы молча сидели и смотрели на Бермондси, пока небо не потемнело. Пришло время проститься с роскошными призраками дома пятьдесят девять на Эдисон-террас и возвращаться в свои квартиры. Мы уже начинали дрожать от холода, когда вдруг завывла сирена воздушной тревоги. У меня душа ушла в пятки от страха. Сколько бы раз я ни слышала этот сигнал, он всегда пугал меня до смерти. Мы спрыгнули с кровати и побежали по лестнице, у которой с одной стороны были перила, а с другой совсем ничего. На улице мы влились в толпу людей, бегущих к метро. Вскоре стало ясно, что нам не успеть. Гроыхнула первая бомба. Ударная волна выбила воздух из легких и едва не повалила нас на землю. Я схватила Анджелу за рукав и затащила ее в ближайший дверной проем. Мы прижались к стене и закрыли головы руками.

– Проклятая сирена, поздновато она, – выдохнула Андже-

ла, дрожа всем телом.

Мы в ужасе вцепились друг в друга.

– Черт подери! – добавила она.

В это мгновение дверь, у которой мы стояли, открылась, и мы обе ввалились в чью-то прихожую. Мы даже не успели поблагодарить своего спасителя, поскольку прогремел взрыв второй бомбы, сотрясший дом, и нас торопливо затолкали в убежище Моррисона. Мы с Анджелой буквально уперлись коленками в Гилберта Делейни, который учился с нами в одном классе.

– Здравствуй, Гилберт, – смущенно пробормотала я.

– Привет, Нелл, – заулыбался он, почесывая затылок.

– Вы чего там забыли в темноте? – спросил отец Гилберта, закуривая сигарету.

– Мы как раз домой шли, мистер Делейни, – закашлявшись, ответила я.

– Сколько раз я тебе говорила, не кури здесь, – одернула его жена.

– А мне оно нервы успокаивает, – отозвался муж, подмигивая нам.

– Ну а мне оно ни черта не успокаивает, – огрызнулась мать семейства, прожигая супруга гневным взглядом.

– Ты предпочла бы, чтобы я вышел покурить на улицу, милая?

– Не зли меня, – отрезала супруга.

Мы просидели под столом, пока не прозвучал отбой тре-

воги. Тогда мы поблагодарили семейство, попрощались с Гилбертом и пошли домой по темным улицам. Вокруг стоял непроглядный мрак, в воздухе висел запах гари и клубилась пыль после взрывов. Вцепившись друг в друга мертвой хваткой, мы добрались к себе. Анджела жила через дорогу от меня. Обнявшись на прощанье, мы разошлись по домам.

Тони ждал меня у дверей.

– Черт возьми! – закричал он. – Ты где была? Мама так нервничала, чуть не свихнулась! Мы решили, тебе крышка! Думали, ты погибла под бомбами!

– Я цела, – ответила я. – Чуть не попала, но...

– Нелл! – Мама стояла на крыльце. Лицо у нее побелело, а глаза округлились и наполнились ужасом. Я никогда не видела ее такой испуганной. Она сбежала вниз по ступенькам, схватила меня и обняла так крепко, что мне стало нечем дышать. – О Нелл! – воскликнула мама. – Я уж думала, что потеряла тебя. Где же ты была? Ведь я тебя просила не задерживаться до темноты!

– Прости, – выдавила я. – Мы играли на улице, так быстро стемнело, и...

– Я думала, что потеряла тебя! – повторяла мама. Она плакала и смеялась, одновременно злясь и радуясь, то обнимая меня, то встряхивая. – Я думала, что потеряла тебя!

Она успокоилась не сразу. Потом мы поднялись в квартиру. Фредди лежал в колыбельке, а Олив стояла рядом на коленях и смотрела на младенца, поглаживая его по спине

своими маленькими пальчиками. Ее лицо было исполнено серьезности.

– Я присматривала за ним, мам, – объявила она. – Глаз не сводила ни на секундочку, как ты и велела.

– Ты молодец, Олив, – ответила мама.

Она села в кресло и уронила голову на руки. Опущенные плечи выдавали всю глубину страдания, а глаза были полны боли. И все из-за меня, из-за того, что я допоздна задержалась на улице, заставив маму думать, что я погибла под бомбами. Мне было ужасно стыдно, и я понимала, что, оставаясь здесь, мы делаем ей хуже. Ей и без того тяжело. Лучшее, что мы могли сделать для нее, – это согласиться наконец уехать в эвакуацию.

Глава четвертая

Мы попрощались с мамой в квартире, поскольку на станцию нас должна была отвести миссис Бэкстер. Я понимала, что прощаться будет тяжело, но не ожидала, что настолько. Олив, которая до сих пор металась между восторгом от предстоящего путешествия и страхом, наконец осознала, что несут с собой такие перемены. Все утро она проплакала, так что нос и глаза у нее были красные и припухшие, а вид совершенно несчастный. Тони вел себя тихо. Он не сказал и пары слов с тех пор, как проснулся, и теперь стоял, повернувшись к нам спиной и глядя на улицу за окном. Он не сказал, что не поедет с нами, но я все еще сомневалась, что он сядет в поезд. На столе лежали три бумажных свертка с нашей одеждой, перевязанных бечевкой.

– Так, я вам приготовила хлеба с салом. До обеда не открывайте, а то я не знаю, как долго вам ехать, – предупредила мама.

– А почему нам не говорят, куда мы едем? – спросила я.

– Наверное, потому, что это секретная информация. «У стен есть уши», и все такое.

Олив забралась к маме на колени, обняла ее за шею и уткнулась в мамино плечо, содрогаясь от рыданий. У меня самой стоял ком в горле, но я очень старалась унять слезы и держаться ради брата и сестренки. Я поверить не могла, что

мы вот-вот покинем маму, родной дом и все, что мы знаем и любим.

– Ну-ну, – сказала мама, обращаясь к Олив, – будет весело.

– Не хочу веселиться, – всхлипнула сестренка.

– Вот увидишь, тебе понравится. Через пару дней ты найдешь новых друзей, будешь лазать по деревьям, бегать и прыгать, так что и думать забудешь, как не хотела уезжать.

– Нет, неправда!

Я была с ней согласна. Мама вздохнула:

– Ну ладно, Олив.

Она заставила ее слезть с колен и поманила меня в спальню, жестом велев не шуметь, потому что малыш Фредди спал в стоявшей на полу колыбельке. Мама подошла к комоду, достала оттуда черную шкатулку, затем опустилась на кровать и похлопала по покрывалу рядом с собой. Я села. Мама открыла шкатулку. Внутри лежал красивый серебряный медальон на тонкой цепочке.

– Хочу отдать это тебе, Нелл, – объявила мама, вручая мне украшение.

– Но оно ведь твое, – возразила я.

– А будет твоим. Можешь вернуть его, когда мы снова встретимся.

Я взвесила медальон на ладони. Он был гладкий и прохладный.

– Открой его, – велела мама, приобняв меня за плечи.

Я расстегнула крошечную застежку и увидела внутри фотографию мамы и папы.

– Это фото с нашей свадьбы, Нелл. Красивые мы были, правда?

Я взгляделась в фотокарточку. На ней родители выглядели так молодо. У мамы были темные, еще не тронутые сединой волосы, а папа еще не отпустил бороду. Оба смотрели в камеру, будто кролики на удава.

– Мы были в ужасе, – улыбнулась мама.

– По-моему, вы здесь очень красивые, – сказала я.

– Повернись-ка, Нелл.

Я послушалась. Мама осторожно приподняла мои волосы и застегнула цепочку у меня на шее.

– Когда тебе станет грустно, – произнесла она, – ты вспомнишь, что мы с папой всегда у тебя на сердце. И если станет одиноко, откроешь медальон, посмотришь на меня и поймешь, что я скучаю по тебе так же сильно, как ты по мне.

– Обязательно, мама, – сказала я.

Ком в горле, который я так старалась проглотить, начал душить меня, и пришлось дать волю слезам. Я всхлипывала без остановки, и мое сердце рвалось на части.

Мама прижала меня к себе и погладила по голове. От нее пахло домом. Так мы и сидели на кровати, пока я не перестала всхлипывать. Тогда мама разжала объятия и достала из рукава платочек, чтобы я могла утереть глаза и нос.

– Я знаю, что ты будешь стойкой, моя Нелл, – произнесла

мама. – Я верю, ты сумеешь позаботиться о брате с сестрой. С Олив будь поласковее, как ты умеешь, и проследи, чтобы Тони не вляпался в неприятности.

– Обещаю, мам.

Она улыбнулась:

– Я так горжусь тобой.

Я выдавила ответную улыбку.

– Все будет хорошо, – заверила меня мама. – Мы справимся, правда?

Я печально кивнула.

– Справимся, говорю тебе, – повторила она. – Ну пора, Нелл. Миссис Бэкстер вот-вот придет.

Она вернулась на кухню, а я опустилась на колени возле колыбельки, чтобы попрощаться с Фредди. Я погладила малыша по голове, но он не пошевелился. Когда мне доведется увидеть его снова?

Я натянула пальто и помогла одеться Олив, которая все еще всхлипывала. Мама написала наши имена на клочках бумаги и приколола булавками к пальто. Тони продолжал стоять у окна. Мама подошла к нему и обняла. Брат попытался отстраниться, но она крепко прижала его к себе, и через несколько секунд он все же обвил ее руками. На его лице застыло отчаянное выражение. Это было просто ужасно.

– Ну-ну, мой сильный мальчик, – услышала я мамин голос. – Ты должен быть сильным и позаботиться о сестрах. Согласен? Ради меня?

Он кивнул. Мама пригладила ему волосы и поцеловала в лоб. Как раз в это мгновение в дверь постучали, и в квартиру вошла миссис Бэкстер. Она окинула нас взглядом и улыбнулась.

– Готовы?

– Пожалуй, – тихо отозвалась мама.

– Не забыли продовольственные книжки?

– Они в узелке у Нелл, завернуты в одежду.

– А то там не обрадуются, если дети явятся без них.

– По-моему, я ничего не забыла, – ответила мама.

– Тогда пора выходить, – объявила миссис Бэкстер.

Мама еще раз обняла меня и Олив и улыбнулась Тони, который явно храбрился и с трудом сдерживал слезы.

– Это ненадолго, – пообещала она. – Скоро мы все снова будем вместе.

– С нами все будет в порядке, – сказала я.

– Я знаю, милая.

Как будто нарочно в эту секунду заплакал Фредди. Я была даже рада, ведь так мама смогла на что-то отвлечься.

– Ну, идем, – скомандовала миссис Бэкстер.

Мы взяли свои кульки и вслед за ней вышли за дверь, спустились по ступенькам и оказались на улице. Тихо капал дождь, Лондон стал серым и туманным, будто весь город грустил вместе с нами. Спустившись с крыльца, я взглянула наверх. Мама смотрела из окна, у которого совсем недавно стоял Тони, и держала на руках Фредди. Мы с Олив помахали

ли ей и послали воздушные поцелуи, но брат даже не обернулся, просто зашагал вперед. В это мгновение я услышала свое имя. По улице навстречу мне бежала Анджела. Мы обнялись.

– Береги себя, – сказала она, – и возвращайся ко мне живой и здоровой.

Она сунула руку в карман и достала маленькую розовую ракушку.

– Я привезла ее из Маргита, Нелл, – объяснила Анджела, – и хочу, чтобы ты вернула ее мне, когда закончится война.

– Непременно. И ты пообещай, что будешь беречь себя.

– Не беспокойся, Нелл. Разве ты не знаешь? Только хорошие люди умирают молодыми.

Я с тяжелым сердцем смотрела ей вслед. Насколько было бы проще, если бы мы уехали из Лондона вместе. Я в последний раз оглянулась на наш дом и зашагала по дороге вслед за миссис Бэкстер и остальными.

Хотя мы не попали в основную волну эвакуации, на платформе все равно толпились чуть ли не сотни детей. Они кричали и бегали, устраивая форменный бардак. Некоторые из тех, что помладше, прятались за мамину юбку. Олив стиснула мою руку.

– Все будет хорошо, милая, – принялась успокаивать ее я, глядя на сестру сверху вниз. – Мы с Тони о тебе позаботимся.

– Я хочу к мамочке, Нелл.

– Знаю, но скоро она приедет к нам, а с ней и малыш Фредди.

Полная дама в ярко-красном пальто пыталась командовать всей этой толпой, но из-за невообразимого шума ее было совсем не слышно. Мы только видели, как ее рот открывается и закрывается, как у задыхающейся рыбы. Мужчина в солдатской форме подал ей громкоговоритель, и она с удвоенным энтузиазмом принялась за дело. Ее голос загрохотал над платформой:

– Мамы, пора попрощаться с детьми. Мы позаботимся о них и найдем каждому хороший дом, где они будут в безопасности. Дети, постройтесь по двое и возьмитесь за руки.

Такие новости вызвали новый шквал всхлипываний и рыданий, поскольку малышам пришлось отцепиться от матерей. Я даже порадовалась, что наша мама осталась дома. Миссис Бэкстер опустилась на колени передо мной и Олив.

– Ну, веди себя хорошо, Олив, и слушайся Нелл.

– Я к маме хочу, – повторила сестренка.

– Знаю, милая, но скоро вы снова увидите.

Миссис Бэкстер поднялась и обняла меня.

– Я буду скучать по вам, утятки.

– И мы по вам, миссис Бэкстер, – ответила я.

Она знала, что Тони обниматься откажется, так что просто положила руку ему на плечо.

– А ты присматривай за сестрами, Тони.

Тот кивнул, и миссис Бэкстер зашагала прочь, мы проводили ее взглядом. Мы с Олив махали, пока она не скрылась из виду. Миссис Бэкстер была последней ниточкой, связывавшей нас с домом, поэтому нам больно было смотреть, как она уходит.

Нам удалось найти вагон, где были свободные места. Я усадила Олив возле окошка. Мне уже доводилось ездить на поезде, а вот сестренка видела все это впервые. Она смотрела по сторонам, широко раскрыв глаза от восторга, смешанного с беспокойством.

– Тебе страшно ехать на поезде, Олив? – осторожно спросила я.

– Вроде бы нет, Нелл, – ответила она. – По-моему, тут пахнет уютно, и сиденье мягонькое. А поезд быстро едет?

– Сначала медленно, а потом набирает ход, и тогда мир как будто пролетает мимо тебя, – объяснила я. – Очень красиво.

Я приобняла ее, и мы вместе стали смотреть в окно. Встревоженная дама в красном продолжала загонять детей в вагоны, выкрикивая команды:

– Не разбредаться, ребята! К краю платформы не подходить! Крепче держите свои вещи!

– Да, пожалуй, поезд мне нравится, – решила Олив. – Только жаль, что мама и Фредди не с нами.

– Понимаю, милая, но ты очень хорошо держишься.

– Мне трудно, Нелл.

– Вот поэтому я очень тобой горжусь, и мама тоже гордилась бы.

Тони уложил наши кульки на багажную полку наверху, но садиться не стал. Он потирал лоб ладонью и явно был на взводе. Я все еще не могла поверить, что он зашел с нами в вагон.

– Может, сядешь уже? – сказала я.

Вместо ответа Тони опустил оконное стекло и выглянул на платформу.

Раздались свистки, поезд зашипел и вздрогнул, готовясь к отправке. Внезапно Тони протянул руку к багажной полке, схватил свой узелок, открыл дверь вагона и спрыгнул на платформу.

Я высунулась в окно и завопила ему вслед:

– Ты куда?!

– Домой! – раздался ответный крик. – Прости, Нелл.

Тони исчез в толпе. Внезапно пришло осознание, что теперь только я отвечаю за Олив, и мне стало тошно и одиноко.

Поезд медленно пополз прочь от вокзала. Я ничего не могла поделать: Тони убежал, мы остались вдвоем. Я снова опустила на сиденье и обняла сестру.

– Куда делся Тони, Нелл? – не поняла она.

– Убежал домой.

– Почему он не едет с нами?

Я пожала плечами:

– Ты же его знаешь, Олив.

Она кивнула и очень серьезно произнесла:

– Он просто паршивец, Нелл.

– Боюсь, что так, милая, но не расстраивайся, мы с тобой не пропадем.

– Ты-то меня не бросишь, Нелл?

Я улыбнулась и взглянула на сестренку.

– Ни за что! Я тебя никогда не брошу.

Поезд начал набирать скорость, и я уставилась в замызганное окно на проносящиеся мимо улицы, дома и участки. Я оставляла здесь все, что было мне дорого. Мой милый Бермондси таял в клубах дыма.

Глава пятая

Дорога длилась целую вечность. Волнение, вызванное отъездом из Лондона, потихоньку улеглось. Мальчишки принялись задирать друг друга, а некоторые малыши начали плакать и звать родителей. Я окинула взглядом вагон. Странная тут собралась компания, ничего не скажешь. Это были дети Ист-Энда: большинство ни разу не ездили на поезде, а то и вовсе не отходили от дома дальше чем на пару кварталов. Даже мальчишки казались растерянными и сбитыми с толку, несмотря на всю свою напускную суровость. Они только-только начали осознавать, что все происходящее с ними очень серьезно.

Мы поделились обедом с двумя маленькими мальчиками, у которых, похоже, вообще не было с собой еды. Они поблагодарили нас, улыбаясь во весь рот. Тем, к кому попадут эти малыши, предстояло долго и упорно оттирать их от грязи, потому что они явно сто лет не умывались. Судя по тому, что мальчики постоянно чесали затылки, им придется, ко всему прочему, избавляться от вшей.

После обеда Олив задремала у меня под боком. Я смотрела в окно на незнакомые загородные пейзажи. Среди зеленых полей текли мелкие речушки, а на холмах виднелись коровы и овцы. Это был другой, более дружелюбный мир, о котором я раньше ничего не знала. Вся моя жизнь прошла среди до-

мов и улиц Бермондси. Коров и овец я прежде видела только на прилавке, уже превращенными в мясо. Внутри у меня что-то приятно сжалось от предвкушения. На мгновение я почувствовала, что смотрю в будущее почти с нетерпением.

Нам дважды пришлось делать пересадку, и оба раза от нас отделялись группы детей, которые уже добрались до своего нового дома. Наконец мы прибыли. Поезд замедлил ход, подполз к платформе и остановился. Я потеряла запотевшее окно рукавом, пытаюсь понять, где мы, но все указатели были закрашены.

Дверь нашего вагона открылась, и внутрь заглянула какая-то женщина.

– Дети, – объявила она, – берите вещи и выходите на платформу. Живо, живо!

Я растолкала Олив.

– Просыпайся, милая, – сказала я. – Пора сходить с поезда.

Олив сонно потеряла глаза и спросила:

– Мы приехали?

– Не уверена, – ответила я. – Но нам велели выходить.

Глаза у сестренки наполнились слезами.

– Я хочу домой, Нелл.

– Я знаю, солнышко, но нужно делать что говорят, и сейчас нам сказали сойти с поезда. Понимаешь?

– Ладно, Нелл, – зевнула Олив.

Я сняла наши кульки с багажной полки и помогла Олив

спуститься на платформу.

Она посмотрела по сторонам:

– Где это мы?

– Понятия не имею. Может, вообще в Тимбукту.

– Это в другой стране?

– Кажется, да.

Станция оказалась маленькой, совсем не похожей на лондонские вокзалы, большие, шумные и темные. Повсюду были расставлены деревянные кадки с нарциссами. Женщина, которая открыла дверь вагона, видимо была здесь главной.

– Возьмитесь за руки и встаньте в колонну! – прокричала она. – Мы пойдем в деревенский клуб, где добрые жители Гленгарита смогут с вами познакомиться. – Затем дама добавила: – Для вас же будет лучше, если постараетесь хорошо себя вести и выглядеть достойно.

Я окинула взглядом пеструю толпу детишек на платформе: все испуганные, уставшие с дороги. При виде них слово «достойно» приходило в голову в последнюю очередь.

– Все за мной, – скомандовала женщина.

Я крепко сжала руку Олив, и мы зашагали от станции по центральной улице деревеньки. Здесь все было не похоже на знакомый мне мир. Бермондси отличался жесткостью, а тут чувствовалась какая-то особая мягкость. Даже воздух был другой – свежее и чище. Улица была вымощена булыжниками. Олив то и дело спотыкалась и хваталась за мое пальто.

– Гадость какая, – ныла она. – Почему у них нет нормаль-

ной дороги?

– Потому что тут тебе не Бермондси.

Дома у нас все здания были серые, потемневшие от дыма печных труб и сырого речного тумана. Здесь же виднелись домики светлых, пастельных оттенков: розовые, голубые, желтые. Все было настолько идеально, что верилось с трудом.

Мы прошли мимо лавок мясника и бакалейщика. Сами хозяйева стояли в дверях и махали нам. Все казались такими милыми и дружелюбными.

Местные дети высыпали из домов и бежали вдоль нашей колонны, кривляясь и выкрикивая непонятные слова. Наша предводительница принялась ругаться и отгонять их, но те не слушались. Вместо этого они начали передразнивать ее походку. Дети проводили нас до самого деревенского клуба, куда нас быстро загнали, тут же захлопнув за нами дверь.

Женщину, которая нами командовала, эта прогулка явно утомила. Она тяжело дышала и хваталась за бок, как будто шла пешком от самого Лондона.

– Мне срочно нужна чашка чаю, – выдохнула она, ни к кому конкретному не обращаясь.

Через весь зал тянулся длинный стол, заставленный едой и напитками. Здесь были и сэндвичи, и булочки, и кексы с глазурью, мясные консервы и хлеб. Я уже не помнила, когда в последний раз видела столько еды. Большинство детей весь день почти ничего не ели, и теперь у них чуть глаза на лоб не

полезли при виде такого пиршества. Взрослые, большинство из них женщины, стояли вдоль стен и смотрели на нас, а на маленькой сцене в конце зала ждала невысокая полненькая дама с громкоговорителем.

– Добро пожаловать, дети, – произнесла она так тихо, что мы с трудом разобрали слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.